

Толстой Лев Николаевич

**Критика догматического
богословия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Критика догматического богословия / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 232 с.

ISBN 978-5-519-77185-6

ISBN 978-5-519-77185-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Критика догматическаго богословія.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Я былъ приведенъ къ изслѣдованію ученія о вѣрѣ православной церкви неизбежно. Въ единеніи съ православной церковью я нашелъ спасеніе отъ отчаянія. Я былъ твердо убѣжденъ, что въ ученіи этомъ единая истина, но многія и многія проявленія этого ученія, противныя тѣмъ основнымъ понятіямъ, которыя я имѣлъ о Богѣ и его законѣ, заставили меня обратиться къ изслѣдованію самого ученія.

Я не предполагалъ еще, чтобы ученіе было ложное; я боялся предполагать это, ибо одна ложь въ этомъ ученіи разрушала все ученіе. И тогда я терялъ ту главную точку опоры, которую я имѣлъ въ церкви, какъ носительницѣ истины, какъ источникѣ того знанія смысла жизни, котораго я искалъ въ вѣрѣ. И я сталъ изучать книги, излагающія православное вѣроученіе. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, несмотря на различіе подробностей и нѣкоторое различіе въ послѣдовательности, ученіе одно и то же, одна и та же связь между частями, одна и та же основа.

Я прочелъ и изучилъ эти книги, и вотъ то чувство, которое я вынесъ изъ этого изученія: если бы я не былъ приведенъ жизнью къ неизбежному признанію необходимости вѣры, если бы я не видѣлъ, что вѣра эта служитъ основой жизни всѣхъ людей, если бы въ моемъ сердцѣ это распатанное жизнью чувство не укрѣпилось вновь,—и если бы основой моей вѣры было только довѣріе, если бы во мнѣ была только та самая вѣра, о которой говорится въ богословіи (научены вѣрить),—я бы, прочтя эти книги, не только сталъ бы безбожникомъ, но сдѣлался бы злѣйшимъ врагомъ всякой вѣры,

потому что я напелъ въ этихъ ученіяхъ не только безсмысленность, но сознательную ложь людей, избравшихъ вѣру средствомъ для достиженія какихъ-то своихъ цѣлей.

Чтеніе этихъ книгъ стоило мнѣ страшнаго труда, не столько по тому усилію, которое я дѣлалъ, чтобъ понять связь между выраженіями,—ту, которую видѣли въ нихъ пишущіе эти книги,—сколько по той внутренней борьбѣ, которую я долженъ былъ постоянно вести съ собой, чтобы, читая эти книги, воздерживаться отъ негодованія.

Я исписалъ много бумаги, начиная отъ слова до слова анализировать сначала символъ вѣры, потомъ катехизисъ Филарета, потомъ Посланіе восточныхъ патріарховъ, потомъ введеніе въ богословіе Макарія, потомъ догматическое богословіе то же Макарія. Серіозный, научный тонъ, тотъ самый, которымъ написаны эти книги, особенно новѣйшія, какъ богословіе Макарія, при разборѣ этихъ книгъ былъ невозможенъ. Нельзя было обесуживать, опровергать выраженные мысли, потому что ни одной ясно выраженной мысли нельзя было поймать. Только что хочешь ухватиться за мысль, чтобы обсудить ее, какъ она тотчасъ же выскальзывала именно потому, что она выражена была умышленно неясно, и невольно я возвращался къ анализу самаго выраженія мысли, и оказывалось, что мысли определенной никакой нѣтъ; слова всѣ не имѣютъ того смысла, который они имѣютъ обыкновенно въ языкѣ, а какой-то особенный, но такой, опредѣленія котораго не дано. Опредѣленіе или разъясненіе мысли всегда, если бывало, то бывало въ обратномъ смыслѣ; для опредѣленія или разъясненія слова малопонятнаго употреблялись слово или слова, совершенно непонятныя. Я долго сомнѣвался въ себѣ, не позволялъ себѣ отрицать того, чего я не понимаю, и всѣми силами души и ума старался понять это ученіе такъ, какъ понимали его тѣ, которые говорили, что вѣрили въ него, и требовали, чтобы всѣ также вѣрили. И это было тѣмъ труднѣе для меня, чѣмъ подробнѣе и мнимонаучнѣе излагалось ученіе. Съ чтеніемъ символа вѣры по-славянски, въ томъ дословномъ переводѣ съ неяснаго греческаго текста, я могъ еще кое-какъ соединять свои понятія о вѣрѣ, но при чтеніи Посланія восточныхъ патріарховъ, уже болѣе подробно выражающихъ тѣ же догматы, я уже не могъ соединять своихъ понятій вѣры и почти не могъ понимать того, что разумѣлось подъ словами, которыя я читалъ. Съ чтеніемъ Катехизиса это несогласіе и непониманіе мое еще увеличилось. При чтеніи богословія сначала Дамаскина, а потомъ Макарія, непониманіе и несогласіе дошло до высшей степени. Но за то тутъ я началъ понимать ту внѣшнюю связь, которою соединялись эти слова, и тотъ ходъ мысли, который руководилъ пишущимъ, и ту причину, по которой мнѣ невозможно согласиться съ ними. Я долго трудился надъ этимъ и, наконецъ, достигъ

того, что выучилъ Богословіе, какъ хорошій семинаристъ, и могу, слѣдую ходу мыслей, руководившихъ составителей, объяснить основу всего, связь между собою отдѣльныхъ догматовъ и значеніе въ этой связи каждаго догмата и, главное, могу объяснить, для чего избрана именно такая, кажущаяся столь странною, а не другая связь. И, достигнувъ этого, я ужаснулся: я понялъ, что все это вѣроученіе есть искусственный (посредствомъ самыхъ внѣшнихъ неточныхъ признаковъ) сводъ выраженій несообразныхъ между собою и взаимно другъ другу противорѣчивыхъ вѣрованій самыхъ различныхъ людей. Я понялъ, что соединеніе это никому не можетъ быть нужно, никто никогда не могъ вѣрить и не вѣрилъ во все это вѣроученіе, и что потому, для невозможнаго соединенія этихъ различныхъ вѣроученій въ одно и проповѣданія всѣхъ ихъ, какъ истину, должна быть какая-нибудь внѣшняя цѣль. Я понялъ и эту цѣль. Я понялъ и отчего это ученіе тамъ, гдѣ оно преподается—въ семинаріяхъ, производитъ навѣрное безбожниковъ, понялъ и то странное чувство, которое я испытывалъ, читая эти книги. Я читывалъ такъ называемыя кощунственныя сочиненія Вольтера, Юма, но никогда я не испытывалъ того несомнѣннаго убѣжденія въ полномъ безвѣріи человѣка, какъ то, которое я испытывалъ относительно составителей катехизисовъ и богословій. Читая въ этихъ сочиненіяхъ, приводимыя изъ апостоловъ и, такъ называемыхъ, отцевъ церкви, тѣ самыя выраженія, изъ которыхъ слагается Богословіе, видишь, что это—выраженія людей вѣрующихъ, слышишь голосъ сердца, несмотря на недовкость, грубость, иногда даже ложность выраженій; когда же читаешь слова составителя, то ясно видишь, что составителю и дѣла нѣтъ до сердечнаго смысла, приводимаго имъ выраженія; онъ не пытается даже понимать его. Ему нужно только случайно попавшееся слово для того, чтобы прицѣпить этимъ словомъ мысль апостола къ выраженію Моисея или новаго отца церкви. Ему нужно только составить сводъ такой, при которомъ бы казалось, что все, написанное въ такъ называемыхъ священныхъ книгахъ и у всѣхъ отцовъ церкви, написано только затѣмъ, чтобы оправдать символъ вѣры. И я понялъ, наконецъ, что все это вѣроученіе, то, въ которомъ мнѣ казалось тогда, что выражается вѣра народа, что все это не только ложь, но обманъ людей невѣрующихъ, сложившійся вѣками и имѣющій опредѣленную и неизменную цѣль.

Вотъ это вѣроученіе. Излагаю его по символу вѣры, Посланію восточныхъ патріарховъ, катехизису Филарета, преимущественно же по догматическому богословію Макарія, книгѣ, признанной церковью за самое лучшее догматическое богословіе.

I.

„Догматическое Богословіе. Часть I. Введение“ *). Введение состоитъ изъ изложенія 1) дѣли, 2) предмета, 3) происхожденія православныхъ христіанскихъ догматовъ, 4) дѣленія догматовъ, 5) характера плана и метода, 6) очерка исторіи науки догматическаго богословія.

Хотя введеніе это и не говоритъ о самомъ предметѣ, его нельзя пропустить, такъ какъ оно опредѣляетъ впередъ то, что будетъ излагаться во всей книгѣ и какъ будетъ излагаться. Вотъ первые параграфы:

§ 1. Православно-догматическое Богословіе, понимаемое въ смыслѣ науки, должно изложить христіанскіе догматы въ систематическомъ порядкѣ съ возможною полнотою, ясностью и основательностью и притомъ не иначе, какъ по духу православной Церкви.

§ 2. Подъ именемъ христіанскихъ догматовъ разумѣются откровенныя истины, преподаваемые людямъ Церковью, какъ непререкаемыя и неизмѣнныя правила спасительной вѣры. (Стр. 7).¹

Далѣе изложено, что откровенными истинами называются истины, находящіяся въ Преданіи и Писаніи. Преданіе и Писаніе признаются истинами потому, что церковь признаетъ ихъ таковыми. Церковь же признается истинной, потому что она признаетъ эти самыя—Преданіе и Писаніе.

§ 3. Изъ представленнаго понятія о христіанскихъ догматахъ открывается, что они всѣ имѣютъ происхожденіе Божественное. Слѣдовательно, ни умножать, ни сокращать ихъ въ числѣ, ни измѣнять и превращать, какимъ бы то образомъ ни было, никто не имѣетъ права: сколько ихъ открыто Богомъ вначалѣ, столько и должно оставаться ихъ на всѣ времена, пока будетъ существовать Христіанство. (Стр. 13).

„Открыто въ самомъ началѣ“. Что такое значить: открыто въ самомъ началѣ—не сказано. Въ началѣ міра или въ началѣ христіанства? И въ томъ и въ другомъ случаѣ, когда было это начало? Сказано, что догматы не появились одинъ за другимъ, но явились всѣ вмѣстѣ вначалѣ, но когда было это начало—не сказано ни здѣсь, ни во всей книгѣ. Далѣе (стр. 13, 14):

Но пребывая неизмѣнными въ самомъ Откровеніи, какъ по числу, такъ и по существу своему, догматы вѣры тѣмъ не менѣе должны раскрываться и раскрываются въ Церкви по отношенію къ вѣрующимъ.

*) Полное заглавіе этой книги такое: „Православно-догматическое Богословіе Макарія Митрополита Московскаго“. (Томъ I и II). Въ оригинальной рукописи Л. Н. Толстого не упоминаются годъ и изданіе этого сочиненія, но судя по ссылкамъ на страницы, вполне совпадающимъ съ изданіемъ *пятымъ*, 1895 г. (Петербургъ), которымъ намъ пришлось пользоваться для проверки выдержекъ,—оно съ тѣхъ поръ не измѣнялось.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ люди начали усвоить себѣ догматы, преподанные въ Откровеніи и низводить ихъ въ кругъ своихъ понятій, эти священные истины неизбѣжно стали разнообразиться въ понятіяхъ разныхъ недѣлимыхъ (такъ бываетъ со всякой истиной, когда она становится достояніемъ людей)—неизбѣжно должны были явиться и явились разными мнѣніями, разными недоумѣніями насчетъ догматовъ, разные даже искаженія догматовъ или ереси, намѣренные и ненамѣренные. Чтобы предохранить вѣрующихъ отъ всего этого, чтобы показать имъ, чему именно и какъ они должны вѣровать на основаніи Откровенія, Церковь съ самаго начала предлагала имъ по преданію отъ самихъ св. Апостоловъ краткіе образцы вѣры или символы.

Догматы неизмѣнны по числу и существу, и открыты сначала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны раскрываться. Это непонятно и еще болѣе непонятно то, что прежде говорилось просто „вначалѣ“ и мы подразумѣвали это начало, какъ и разумѣть богословіе, съ началомъ всего; теперь же начало относится къ началу христіанства. Кромѣ того, изъ этихъ словъ выходитъ тотъ самый смыслъ, который сначала отрицалъ писатель. Тамъ говорилось, что сначала все открыто, а тутъ говорится, что догматы раскрываются въ церкви, и подъ конецъ говорится, что *Церковь съ самаго начала* (чего-то) не предложила, а предлагала, по преданію отъ Апостоловъ, краткіе образцы вѣры или символы, т. е. является противорѣчіе внутреннее. Очевидно, подъ словомъ „догматъ“ разумѣются два взаимно исключаютія понятія. Догматъ, по опредѣленію богословія, есть истина, преподаваемая церковью. Догматы по этому опредѣленію могутъ раскрываться, какъ и говорить писатель, т. е. появляться, видоизмѣняться, усложняться, какъ оно было и есть въ дѣйствительности. Но писатель (очевидно, опредѣливъ догматъ неточно, сказавъ, вмѣсто—преподаванія того, что считается истиной,—преподаваніе самой истины, и даже сказавъ просто: догматъ есть истина вѣры), далъ догмату еще другое значеніе, исключющее первое, и былъ невольно вовлеченъ въ противорѣчіе. Но противорѣчіе это нужно писателю. Ему нужно понимать подъ догматомъ истину саму въ себѣ, абсолютную истину, и истину, выраженную извѣстными словами. Противорѣчіе нужно затѣмъ, чтобы, преподавая то, что церковь считаетъ истиною, можно было бы утверждать, что то, что она передаетъ, есть сама абсолютная истина. Это ложное разсужденіе важно не только потому, что оно неизбѣжно приводитъ къ противорѣчію и исключаетъ всякую возможность разумнаго изложенія, но оно важно еще и потому, что оно невольно возбуждаетъ сомнѣніе къ послѣдующему изложенію. Вѣдь догматъ, по опредѣленію церкви, есть откровенная божественная истина, преподаваемая церковью для спасительной вѣры. Я—человѣкъ Божій. Богъ, открывая истину, открывалъ ее и мнѣ. Я ищу спасительной вѣры, и то, что я говорю про себя, говорили и говорятъ милліарды людей. Такъ преподайте мнѣ эти Богомъ откровенныя истины (открытыя

для меня такъ же, какъ и для васъ). Какъ же я не повѣрю въ эти истины, не приму ихъ? Я только этого и ищу. И онѣ божескія. Такъ и преподайте мнѣ ихъ. Нечего бояться, чтобы и отвергъ ихъ. А церковь какъ будто боится, чтобы я не отвергъ то, что нужно для моего спасенія, и хочетъ впередъ заставить меня признать, что всѣ эти догматы, которые мнѣ будутъ преподаны, суть истины. Да въ томъ, что истина есть то, что открылъ Богъ людямъ, ищущимъ Его, не можетъ быть сомнѣнія. Давайте мнѣ эти истины; а тутъ, вмѣсто этихъ истинъ, дѣлается умышленно неправильное разсужденіе, клонящееся къ тому, чтобы впередъ увѣрить меня, что все, что мнѣ скажутъ, все будетъ истина. Разсужденіе это, вмѣсто того, чтобы покорить меня истинѣ, производитъ на меня обратное дѣйствіе. Мнѣ очевидно, что разсужденіе неправильно, и очевидно, что меня хотятъ уловить впередъ въ довѣріи къ тому, что мнѣ скажутъ. Но почему я знаю, что то, что мнѣ преподадутъ, какъ истину, не будетъ ложь. Я знаю, что и въ догматическомъ богословіи, и въ катехизисѣ, и у восточныхъ патріарховъ, и даже въ символѣ вѣры въ числѣ догматовъ есть догматъ о святой, непогрѣшимой, руководимой Св. Духомъ церкви, которая есть хранительница догматовъ. Если догматы не могутъ излагаться сами собою, а только опираясь на догматъ церкви, то надо и начинать съ догмата церкви. Если все на немъ основано, то такъ, надо и сказать и съ него и начинать, а не ставить съ 1-го §-а, какъ здѣсь, догматъ церкви основой всего, упоминая о немъ только между прочимъ, какъ о чемъ-то извѣстномъ, и не такъ, какъ въ катехизисѣ Филарета въ III гл., гдѣ говорится, что Божіе откровеніе сохраняется въ церкви посредствомъ преданія, а преданіе хранится Церковью. Церковь же составляютъ всѣ, соединенные вѣрою въ преданіе, и они-то, соединенные преданіемъ, хранятъ преданіе.

Преданіе всегда хранится тѣми, которые вѣрятъ въ это преданіе. Это всегда такъ. Но справедливо ли оно, не ложь ли? И то стараніе, съ которымъ, не сказавъ ничего о самыхъ догматахъ, хотятъ уловить впередъ мое согласіе на всякій догматъ, заставляетъ меня быть на сторожѣ. Я не говорю того, что я не вѣрю въ святость и непогрѣшимость Церкви. Я даже въ то время, какъ началъ это изслѣдованіе, вполне вѣрилъ въ нее, въ одну ее (казалось мнѣ), что вѣрилъ. Но надо же знать, что разумѣть подъ Церковью, и во всякомъ случаѣ, если основать все ученіе на догматѣ о Церкви, то и начинать съ него, какъ это дѣлалъ Хомяковъ. Но если не начинать съ догмата о Церкви, а съ догмата о Богѣ, какъ это въ символѣ вѣры, въ Посланіи восточныхъ патріарховъ, въ катехизисѣ и во всѣхъ догматическихъ богословіяхъ, то надо излагать самые существенные догматы,—откровенныя отъ Бога людямъ истины.

Я—человѣкъ; Богъ и меня имѣетъ въ виду. Я ищу спасенія: какъ же я не приму того единаго, чего ищу всѣми силами души! Я не могу не принять ихъ, навѣрное приму ихъ. Если единеніе мое съ церковью закрѣпитъ ихъ—тѣмъ лучше. Скажите мнѣ истины такъ, какъ вы знаете ихъ, скажите хоть такъ, какъ онѣ сказаны въ томъ Символѣ Вѣры, который мы всѣ учили наизусть. Если вы боитесь, что, по затемненности и слабости моего ума, по испорченности моего сердца, я не пойму ихъ, помогите мнѣ (вы знаете эти истины Божіи, вы, Церковь, учите насъ), помогите моему слабому уму, но не забывайте, что что бы вы ни говорили, вы будете говорить, все-таки, разуму. Вы будете говорить истины Божіи, выраженные словами, а слова надо понимать опять таки только умомъ. Разъясните эти истины моему уму, покажите мнѣ тщету моихъ возраженій, размягчите мое зачерствѣлое сердце неотразимымъ сочувствіемъ и стремленіемъ къ добру и истинѣ, которыя я найду въ васъ, а не ловите меня словами, умышленнымъ обманомъ, нарушающимъ святую предмета, о которомъ вы говорите. Меня трогаетъ молитва трехъ пустынниковъ, про которыхъ говорить народная легенда; они молились Богу: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“. Я знаю, что ихъ понятіе о Богѣ навѣрно, но меня тянетъ къ нимъ, хочется подражать имъ, какъ хочется смѣяться, глядя на смѣющихся, и зѣвать,—на зѣвающихъ, потому что я чувствую всѣмъ сердцемъ, что они ищутъ Бога и не видятъ ложности своего выраженія. Но софизмы, умышленный обманъ, чтобы поймать въ свою ловушку неосторожныхъ и нетвердыхъ разумомъ людей, отталкиваютъ меня.

Въ самомъ дѣлѣ, предстоитъ изложеніе истинъ, открытыхъ о Богѣ, о человѣкѣ, о спасеніи. Люди знаютъ это и вмѣсто того, чтобы излагать то, что они знаютъ, они дѣлаютъ рядъ ложныхъ разсужденій, посредствомъ которыхъ хотятъ убѣдить, что все, что они будутъ говорить о Богѣ, о человѣкѣ, о спасеніи, все будетъ выражено такъ, что уже нельзя иначе выразить и что нельзя не повѣрить всему тому, что они мнѣ скажутъ.

Можетъ-быть, вы изложите мнѣ откровенную истину; но приемы, съ которыми вы приступаете къ изложенію ея, это тѣ самыя, съ которыми приступаютъ къ изложенію завѣдомой лжи. Усердно посмотримъ самыя истины, въ чемъ состоятъ онѣ и какъ выражаются.

II.

Въ Символѣ Вѣры, въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ, въ Катехизисѣ Филарета, въ Догматическомъ Богословіи—первый догматъ есть догматъ о Богѣ. Заглавіе общее 1-ой части: „О Богъ въ самомъ себѣ и общемъ отношеніи Его къ

миру и человѣку“ (θεολογία ἀπλή, т. е. простое богословіе). Это заглавіе I-ой части. II-ая часть будетъ „О Богѣ Спасителѣ и особенномъ отношеніи Его къ человѣческому роду“ (θεολογία σικονεμική, —богословіе домостроительства).

Если я знаю что-нибудь о Богѣ, если имѣлъ какое-нибудь понятіе, то одни эти два заглавія двухъ частей разрушаютъ все мое знаніе Бога. Я не могу соединить своего понятія о Богѣ съ понятіемъ о Богѣ, для котораго есть два различныхъ отношенія къ человѣку: одно—общее и другое—особенное.

Понятіе „особенное“, приложенное къ Богу, разрушаетъ мое понятіе о Богѣ. Если Богъ—тотъ Богъ, котораго я разумѣлъ и разумѣю, то Онъ не можетъ имѣть никакого *особеннаго* отношенія къ человѣку. Но, можетъ-быть, я не такъ понимаю слова, или понятія мои невѣрны. Читаю дальше о Богѣ:

„Отдѣлъ 1-ый. О Богѣ въ самомъ себѣ“. Итакъ я жду выраженія той, Богомъ откровенной людямъ для спасенія ихъ, истины о Богѣ, которая извѣстна Церкви. Но прежде изложенія этой откровенной истины, я встрѣчаю § 9, говорящій о степени нашего познанія Бога по ученію Церкви. Параграфъ этотъ такъ же, какъ и Введеніе, не говоритъ о самомъ предметѣ но такъ же готовитъ меня къ тому, какъ понимать то, что будетъ изложено:

Все ученіе свое о Богѣ въ символѣ вѣры православная Церковь начинаетъ словомъ: вѣрую... и первый догматъ, какой она хочетъ внушить намъ, состоитъ въ слѣдующимъ: „Богъ непостижимъ для человѣческаго разума; люди могутъ познавать Его лишь отчасти,—столько, сколько Онъ самъ благоволилъ открыть Себя для ихъ вѣры и благочестія“. Истина непререкаемая. (Стр. 66).

Для тѣхъ, которые не привыкли къ этому роду изложенія, я долженъ разъяснить (такъ какъ я самъ долго не понималъ этого), что подъ непререкаемой истиной должно разумѣть не то, что Богъ непостижимъ, а то, что Онъ постижимъ, но постижимъ *отчасти*. Истина непререкаемая въ томъ, что Богъ непостижимъ и вмѣстѣ постижимъ, но *отчасти*. Въ этомъ истина. Эта истина, говорится далѣе (стр. 67):

ясно изложена въ св. Писаніи и подробно раскрыта въ писаніяхъ св. Отцевъ и учителей Церкви, на основаніи даже здраваго разума.

Свящ. книги проповѣдуютъ съ одной стороны: а) что Богъ во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, его же никто же видѣлъ есть отъ человѣка, ниже видѣти можетъ (1 Тим. 6, 16); б) что не только для людей, но и для всѣхъ существъ сотворенныхъ, невѣдомо существо Его, неиспытаны судове Его и неизслѣдованы путіе Его (Римл. 11, 33—4; снес. Іоан. 1, 18; 1 Іоан. 4, 12. Сирах. 18, 3—4) и в) что Бога вполне знаетъ только одинъ Богъ: кто бо вѣсть отъ человѣка, яже въ человѣцѣ, тоцію духъ человѣка, живущій въ немъ, такжеже и Божія никто же вѣсть, тоцію Духъ Божій (1 Кор. 2, 11), и никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ (Мѣ. 11, 27). Стр. 67. Но съ другой стороны свящ. книги возвѣщаютъ намъ, что Невидимый и Непостижимый самъ благоволилъ явить Себя людямъ,—

что Богъ непостижимъ для разума, но что существованіе его постижимо. Вотъ эти истины:

а) Въ твореніи: невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть и присносущна сила Его и Божество. (Римл. 1, 20; снес. Пс. 18, 2—5; Прем. 13, 1—5), а еще болѣе—б) въ сверхъестественномъ откровеніи, когда многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголаше отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ же дній возглаголаше намъ въ Сынѣ (Евр. 1, 1—2; снес. Прем. 9, 16—19). и когда сей едиnorodный Сынъ Божій, явишисѣ на землѣ во плоти (1 Тим. 3, 16), далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго (1 Иоан. 5, 20) и потомъ проповѣдалъ свое ученіе черезъ Апостоловъ, ниспославши на нихъ Духа истины, который вся испытуетъ и глубины Божія (Іоан. 14, 16—18; 1 Кор. 2, 10). Наконецъ, свящ. книги утверждаютъ, что хотя такимъ образомъ Сынъ Божій, сый въ лонѣ Отчи, и исповѣдалъ намъ Бога, егоже никтоже видѣ нигдѣже (Іоан. 1, 18). (Стр. 68).

Прошу читателя обратить вниманіе на неточность этого текста. Настоящій текстъ таковъ (Іоан. 1, 18): „Бога никтоже видѣ нигдѣже: едиnorodный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда“, но нигдѣ не сказано „сый въ лонѣ Отчи и исповѣдалъ намъ Бога“.

Но и нынѣ мы видимъ Невидимаго только яко же *зерцаломъ въ гаданіи*, и нынѣ мы разумѣемъ Непостижимаго только отчасти (1 Кор. 13, 12). (Стр. 68).

Прошу читателя обратить вниманіе на неточность и этого текста. Въ приводимомъ текстѣ не сказано: „нынѣ мы разумѣемъ непостижимаго только отчасти“. Не сказано „отчасти“, ни слова не сказано о „непостижимомъ“ и даже не говорится о познаніи Бога, а говорится вообще о любви и познаніи человѣческомъ. Вотъ вся глава:

Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долго терпѣтъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упряднится. Ибо мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ; когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, по-младенчески мыслилъ, по-младенчески рассуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ. А теперь пребываютъ сѣ три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше. (См. 1 Кор. 13, 1—13).

Во всей главѣ сказано только о томъ, что все познаніе человѣческое несовершенно, но и цѣли нѣтъ, очевидно, говорить о познаніи Бога.

И нынѣ мы *вѣрою* ходимъ, а не *видѣніемъ* (2 Кор. 5, 8). (Стр. 68).

„Вѣрою ходимъ бо, а не видѣніемъ“,—вѣрою, но не знаніемъ „*περίπλοκον*“, т. е. живемъ. Тоже не только не говорится ничего о знаніи Бога отчасти, а говорится о томъ, что мы живемъ вѣрою. Всѣ тексты эти приведены для того, чтобы доказать то, что Богъ непостижимъ, но постижимъ отчасти. Происходитъ опять умышленное смѣшеніе понятій. Писатель умышленно смѣшиваетъ оба понятія: постижимость существованія Бога и постижимость самого Бога. Если мы говоримъ о началѣ всего, о Богѣ, то, очевидно, что мы признаемъ, постигаемъ его существованіе. Но если мы говоримъ о самомъ существѣ Бога, то, очевидно, что мы не можемъ постигнуть его. Для чего же доказывать, что Онъ постижимъ отчасти? Если намъ ничто въ мірѣ непостижимо вполне, то, очевидно, что Богъ, начало всѣхъ началъ, уже никакъ непостижимъ. Зачѣмъ же доказывать это? и доказывать такъ странно, приводя неточныя слова Іоанна, которыми сказано, что „Бога никто нигдѣ не видѣлъ“, и неточныя слова Павла, относящіяся совсѣмъ къ другому,—въ доказательство постижимости Бога отчасти?

Странная тема эта и странныя доказательства вытекаютъ изъ того, что слово „постижимость“ употребляется здѣсь и далѣе въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ настоящемъ постижимости и въ смыслѣ знанія, принятаго на вѣру. Если бы писатель понималъ постижимость, какъ постижимость, онъ бы не доказывалъ, что мы постигаемъ Бога отчасти, но онъ прямо призналъ бы, что мы постигнуть его не можемъ; но онъ подъ словомъ „постижимость“ подразумѣваетъ здѣсь знаніе, принятое на вѣру, умышленно смѣшивая это понятіе съ понятіемъ признанія существованія Бога. И потому у него выходитъ, что мы можемъ постигнуть Бога *отчасти*. Когда онъ приводитъ текстъ о томъ, что мы постигаемъ Бога изъ его твореній, онъ разумѣетъ признаніе существованія Бога, но когда онъ приводитъ текстъ, что „Богъ глаголаше отцамъ во пророкахъ“ и потомъ „въ Сынѣ“—онъ разумѣетъ знаніе, принятое на вѣру, какъ это и будетъ видно впослѣдствіи. Поэтому же самому и текстъ Павла о томъ, что „мы ходимъ вѣрою“, онъ приводитъ какъ доказательство постижимости, подъ которой разумѣется знаніе, принятое на вѣру. Подъ постижимостью писатель не разумѣетъ болѣе или менѣе твердую увѣренность въ существованія Бога, но большее или меньшее количество свѣдѣній о Богѣ, хотя бы и вовсе непонятныхъ, принятыхъ на вѣру. Изъ дальнѣйшаго это будетъ ясно.

Далѣе говорится:

Св. Отцы и учителя Церкви подробно раскрывали эту истину, особенно по случаю возникавшихъ касательно ея еретическихъ мнѣній (Стр. 68).

Еретическія мнѣнія состоятъ, по мнѣнію писателя, въ томъ,